

Николай Лейкин

С ПРАЗДНИКОМ!

Рассказы

Санкт-Петербург

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)1-44
Л 42

Серийное оформление Вадима Пожидаева
Оформление обложки Валерия Гореликова
Составление и подготовка текста Аллы Степановой
Статья и комментарии Андрея Степанова

ISBN 978-5-389-34276-7

© А. С. Степанова, составление, 2026
© А. Д. Степанов, статья, комментарии, 2026
© Оформление.
ООО «Издательство АЗБУКА», 2026
Издательство Азбука®

О ПРАЗДНИКАХ, УСТРИЦАХ И БОРОДАХ ЛОПАТОЙ: МИР НИКОЛАЯ ЛЕЙКИНА

«Писать надо больше, одно скажу. Надо
выгнать из себя ленивого человека и на-
хлыстать себя...»

Из письма Н. А. Лейкина А. П. Чехову

Николай Александрович Лейкин (1841–1906) при жизни был самым популярным русским писателем. Его читали все, кто желал приятно провести время, и даже те, кто больше ничего не читал: купцы и купеческие приказчики, мелкие чиновники, провинциальные актеры, полицейские надзиратели, горничные, фабричные, деревенские грамотеи. Сборник рассказов Лейкина можно было увидеть на полке в общественной библиотеке, на прилавке любого книжного магазина и на стойке железнодорожного киоска, в читальне дворянского клуба, на даче под Петербургом, в приемной врача. Секрет успеха был прост: Лейкин правдиво, со всеми бытовыми подробностями описывал читателю его самого, его семью и соседей, повседневную жизнь и каждодневные разговоры. Персонажами его коротких рассказов становились те самые «господа обыватели», которые покупали его книги, а изображенные ситуации всегда были узнаваемы. Рецензию на двухтомник Лейкина, увидевший свет в 1871 году, Салтыков-Щедрин начал так: «Г-н Лейкин принадлежит к числу писателей, знакомство с которыми весьма полезно для лиц, желающих иметь правильное понятие о бытовой стороне русской жизни». Картина русской жизни 1870–1890-х годов, представшая в его произведениях, оказалась настолько всеобъемлющей, что Александр Блок назвал это

время (не без сарказма, конечно) «эпохой Александра III и писателя Лейкина».

Однако после революции Лейкин был забыт. Сменилась эпоха, остался в прошлом старый быт, новому поколению читателей лейкинский мир был не только незнаком, но и совершенно чужд. Если кто-то и открывал потрепанный томик некогда знаменитого писателя, то из чувства ностальгии — чтобы вспомнить сытые, спокойные и безоблачные прежние времена. Новых изданий не было: советская власть «буржуазного писателя» не жаловала.

А между тем Лейкин как «свидетель истории» занимает в русской культуре очень важное место.

Из числа беллетристов-современников Лейкин выделяется не столько приемами художественной выразительности (многим казалось, что стилистически он однообразен), сколько тем, что создал небывалую, гигантскую по масштабам галерею портретов и жанровых сцен (точнее, «сценок»), охватив едва ли не все социальные группы и профессии. Вот названия только нескольких — из десяти тысяч! — лейкинских рассказов (некоторые из них вошли в этот сборник): «Извозчик», «Доктор», «Писарь», «Сваха», «Швейцар», «Маркер», «Прачка-поденщица», «Парикмахерский подмастерье», «Торговый мальчик», «Водогрейщик», «Мамка-кормилица», «Кухарки и горничные», «Купчиха и кучер», «Солдат и нянька» и т. д. Не было ни одного места в Петербурге и его окрестностях (а Лейкин — потомственный петербуржец, всю жизнь изображавший знакомые места), которое не запечатлелось бы в его сценках: их действие происходит «В Летнем саду», «На Царицыном лугу», «В Михайловском сквере», «Около Егерских казарм», на «Невском проспекте после полуночи», «На Неве», «У Биржи», «В Екатерингофе», «На Крестовском». Он описал все дачные пригороды: «Лесной», «Черная речка», «Новая деревня», «Парголово», «Коломяги», «Карповка», «От Петербурга до Колпина»; все поселения на Неве по пути от Петербурга до Шлиссельбурга (в середине этого маршрута, в деревне Ивановское, ныне город Отрадное, находилось имение Лейкина). Трудно назвать места встреч петербуржцев, куда не заглянул бы всеведущий и неутомимый «писака»: «В департаменте», «В банке», «В кондитерской», «У живорыбного садка», «У театра», наконец, просто «На улице». Он описал множество занятий, увле-

чений и игр: «При искании грибов», «Рыболовы», «Последний дачный бал», «За рубкой капусты», «Игра в фанты» и т. п. Увлечениям посвящен целый сборник под названием «Мученики охоты»: «Голубятник», «Собачник», «Рысачник», «Птицелов», «Собиратель насекомых», «Актер-любитель», «Певчий-любитель», «Поэт», «Балетоман», «Библиоман», «Нумизмат», «Собиратель табакерок и тростей», «Покровитель животным», «Спирит» и т. д.

Задача «экстенсивного» описания действительности была характерна для творчества непосредственных предшественников Николая Александровича — писателей «натуральной школы», возникшей в 1840-е годы, а потом и их наследников — очеркистов-«шестидесятников»: В. А. Слепцова, А. И. Левитова, Г. И. и Н. В. Успенских, Ф. М. Решетникова, Н. И. Наумова и др. Среди сотрудников лейкинских «Осколков» и других изданий «малой прессы» восьмидесятых годов было множество бытописателей: можно назвать И. А. Вашкова, А. М. Гersona, А. М. Дмитриева (Барона И. Галкина), Ф. В. Кугушева, И. Мясницкого (И. И. Барышева), А. Я. Немеровского, Д. Орлова, А. М. Пазухина, А. П. Подурова, А. А. Плещеева, Л. Г. Рахманова, А. В. Ястребского и др. Этих литераторов — авторов так называемой «малой прессы» — почти не замечала современная им критика, а потомки и вовсе забыли. Лишь одному из них удалось выбраться из лимба массовой литературы и стать не просто известным, а знаменитым на весь мир — это Антон Чехов.

Даже в советское время о забытом писателе Николае Лейкине вспоминали именно в связи с Чеховым: в истории литературы Лейкин навсегда остался как его наставник в первый период творчества. Действительно, еще во время обучения в таганрогской гимназии юный Чехов, по его позднейшему признанию, сделался «усерднейшим читателем» лейкинских рассказов. А когда после переезда в Москву студент медицинского факультета начал подрабатывать, помещая юморески в газетах и тонких журнальчиках, Лейкин заметил молодое дарование и пригласил начинающего автора в свой журнал «Осколки», который с 1881 года издавал и редактировал в Петербурге. На протяжении пяти лет почти в каждом номере этого издания рядом с лейкинским рассказом появлялся и текст, подписанный псевдонимом «Антоша Чехонте». Позднее многие критики и литературоведы, изучая ранние

произведения классика русской и мировой литературы, стали говорить о том, что Чехов преобразовал жанр рассказа, обогатив его новаторскими приемами. Последнее верно только отчасти: при более тщательном изучении Лейкин во многом оказывается первопроходцем.

Прежде всего к таким чертам относится знаменитая чеховская краткость — «сестра таланта». «Осколочный» рассказ не мог превышать 100–150 строк (в переводе на привычные нам единицы, он занимал в среднем три страницы — тысячу слов или 6000 знаков с пробелами). При таких ограничениях текст был очень «плотным», без отступлений и подробностей: пейзажи, интерьеры, одежда, экипажи, гастрономия, портреты героев, их предыстории и подробные характеристики просто не помещались в заданный объем. А поскольку совсем обойтись без этих элементов невозможно, Лейкин развил особую технику «метонимического письма», обозначая действующих лиц по одной внешней примете. Салоп, чуйка, «романовский» полушубок, енотовая шуба, фуражка с кокардой или циммермановская шляпа — все это не просто предметы одежды, а «заместители» человека, показатели социального статуса, определенной манеры речи и поведения. Таким «заместителем» могла быть даже борода:

- Здоров ли сердцем? — спросила борода лопатой.
- Теперь-то ничего, слава тебе, Господи, — отвечала борода окомелком...

(«Оказия»)

Подобная техника передачи «внутреннего» через «внешнее» возможна только в условиях, когда автор и читатель принадлежат к одному кругу: один подает знак — «перед вами такой-то», а другой мгновенно этот знак считывает. Прическа «а-ля Капюль» — значит, перед нами, скорее всего, модничающий купчик или мелкий чиновник в поисках богатой невесты, а «ковровый платок» — значит, зажиточная мещанка или купчиха. Дама в собольем воротнике, баба в пестром клетчатом байковом платке, купец в еноте, артельный староста в суконной чуйке на овчине, салопница в старомодном ватном капоре — одежда персонажей служила знаками определенного уровня жизни, привычек, вкусов и финансовых возможностей. Такой острый взгляд развивался прежде всего у купцов и купеческих приказчиков — представителей той

среды, из которой вышел Лейкин, с юных лет подвизавшийся в лавках Гостиного и Апраксина дворов. Приказчикам по долгу службы полагалось быть немножко психологами и с первого взгляда определять, что данный потенциальный покупатель может приобрести и за какую цену, какой подход к нему нужен и как заговорить ему зубы, чтобы продать товар втридорога. Лейкин не раз изображал подобные ситуации. Вот, например, распространенный прием — повесить покупателя в звании: «Простой мастеровой сапожник, от которого разит кожей и ворвань, зовется хозяином, нагольный полушубок — купцом, всякая форменная фуражка — высокородием, суконная чуйка — подрядчиком, пожилая баба — маменькой» («Перед Рождеством»). Приказчики называли клиентов «по одежке» не только между собой, но и прямо обращались к покупателям таким способом: «„Енот! Енот! Господин енот, вернитесь“, — окликает приказчик в желтых рукавицах покупателя». Жизненная практика находила отражение в стилистике лейкинских юморесок.

«Метонимический» стиль позволял экономить строчки. Впрочем, еще проще было прямо указать на социальный статус персонажа: зачастую в первых же строках сценки назван его род занятий: извозчик, нянька, кухарка, городской, солдат, чиновник, а чаще всего — купец. Лейкин изображает социальные типы, «типажи», причем в рамках одной профессии и социальной группы внимательным бытописателем подмечены весьма тонкие различия. Так, например, среди героев Лейкина есть доктора, «каких купцы любят», и доктора, «каких любят тонные дамы», а также доктора «для тех, которые с жиру бесятся». В среде нищих он выделяет такие разряды, как «угловые», «папертные», «кладбищенские». А уж разряды купцов различает по самым разным свойствам и приметам: «серые», «полированные», «неполированные», «саврасы без узды», «в еноте», «в собольих лапках», «в пальто-пиджаке», «в картузе», «в фуражке», «в шляпе-цилиндре», «с медалью», «с орденом в петлице», «с орденом на шее», «шестипудовые», «восьмипудовые», а также с бородами различной длины и формы. В рамках «метонимической поэтики» их можно обозначать и по характеру предпринимательской деятельности: «Женился лесной двор и брал плитную ломку с каменным домом в придачу» («Свадебный стол»). Подобно натуралисту, распознающему

в одном роде множество видов, Лейкин был неустанным классификатором и систематизатором (не случайно, кстати, он с детства увлекался коллекционированием бабочек и сделался, как впоследствии Набоков, едва ли не профессиональным энтомологом).

Отмеченные черты определяли и поэтику Антоши Чехонте. У Лейкина он почерпнул не только приемы краткости, но и «социологический» взгляд на персонажа. Герой чеховской юмористики — прежде всего отец семейства, чиновник, жених, фельдшер, дьячок, домовладелец, полицейский надзиратель, отставной унтер-офицер, почтмейстер, брандмейстер и т. п., а уже потом — человек, наделенный личными свойствами: трус, добряк, пьяница, зануда, шутник, лгун и т. п. Указание на статус, профессию, семейное и имущественное положение — обязательная и часто единственная черта вводной характеристики героя не только ранних, но и поздних чеховских рассказов. Прибегал Чехов и к метонимии, хотя и не так часто, как Лейкин: «В толпе снуют чуйки с петухами и утками под мышкой» («В Москве на Трубной площади») или: «Это верно, что дорого, — вздыхают рыжие панталоны» («Заблудшие») и т. п.

Малая пресса, и в том числе журнал «Осколки», выходивший еженедельно, ориентировалась на календарную тематику: рассказы и сценки были приурочены к определенным датам — в первую очередь Рождеству, Масленице, Пасхе. Неудивительно, что у Лейкина, работавшего в журнале четверть века, появлялись рассказы на схожие сюжеты. Причем речь идет не только о самоповторах, но и об использовании одного сюжета разными авторами, что юмористической артелью, по-видимому, не считалось плагиатом (в этом сборнике есть рассказы, сюжеты которых хорошо известны в интерпретации Чехова).

Календарный цикл определял повседневный быт и читателей, и героев Лейкина. В его рассказах охвачен весь календарь, со всеми годовыми праздниками: «В сочельник», «В Рождество», «Новый год», «На Святках», «В Крещеньев день», «В Благовещеньев день», «Прощеное воскресенье», «Вербное гулянье», «Канун Пасхи», «Первый день Пасхи», «В день Преполовения», «На Ивана Купала» — и так далее до нового Рождества (в 1901 году Лейкин объединил рождественские рассказы в отдельном сборнике).

На каждый праздник существует свое «положение» — сложившиеся обряды и обычаи. Так, на Вербное воскресенье надо покупать у Гостиного двора фигурные пряники («В толпе»), а на Благовещенье у Чернышева моста действует особенный птичий рынок: жители покупают птиц, чтобы тут же выпустить их на волю — «за упокой душ сродственников» («В Благовещеньев день»). Близки к обычаям и приметы: перед ледоходом надо бросить водяному в реку поросенка, тогда река вскроется скорее («На Неве»), а четверговая соль помогает от порчи и сглаза («Канун Пасхи»). Герои Лейкина не говорят «24 ноября» или «9 мая» — для них это «Катеринин день» или «Никола Вешний». Они хорошо помнят, что «Афанасий Ломонос» — самый холодный день в году, а в середине ноября с небес падет «звездный дождь». Они твердо знают, какие дни приходятся на пост, а какие — на мясоед, а эти даты, в свою очередь, определяют сроки, когда открывается и когда заканчивается свадебный или театральный сезон.

Вся жизнь регламентировалась календарем, в соответствии с ним распределялись и сезонные развлечения. Святки — это время от Рождества до Крещения, знаменующее переход от старого к новому году, насыщенное обрядами, гаданиями, приметами. Святки широко отмечались по всей России, в деревнях и городах. К праздникам украшали елку, готовили подарки («Перед Рождеством», «В кондитерской», «Записки рождественской елки»), поздравляли друг друга, в связи с окончанием Рождественского поста накрывали богатый стол — разговлялись («В департаменте»). В Петербурге на Святках ходили в театры, делали визиты («Журфикс»), проводили балы и маскарады — и наряжались кто «испанцем», а кто даже Гамлетом («На Святках»). А еще всю зиму петербуржцы могли кататься на коньках, причем катки устраивали даже на реках («Около конькобежцев»). С Крещения начинался зимний мясоед, который оканчивался Масленицей — проводами зимы: в последнюю неделю перед Великим постом объедались блинами («На блинах»), катались на тройках («Иза катанья»), смотрели представления в масленичных балаганах («Из балаганного мира»), ездили в рестораны и клубы («Маскарад с цыганами»). Клубов в Петербурге было много, среди них и солидные, и среднего уровня, и совсем сомнительные, и все они представлены у Лейкина: Немецкий, Благородное собрание,

Сельскохозяйственный, Купеческий, Приказчий и так далее вплоть до какой-нибудь окраинной «Казанки — извозничьего клуба». В центре же, на Невском и в его ближайших окрестностях, гостей ждали фешенебельные рестораны Бореля и Палкина, роскошные кондитерские Бормана и Кузнецова, а также единственное в стране «европейское» кафе «Доминик». До поздней ночи дожидались подгулявших клиентов веселые девицы, а седоков — лихачи («Невский проспект после полуночи»), чтобы везти их дальше — в такие места, которые мы сейчас назвали бы ночными клубами, — например, в трактир-ресторан «Самарканд».

Были и свои развлечения для солидных людей — от карточной игры, которой предавалось прежде всего чиновничество, до хождения в баню — любимого занятия купечества.

Между постами играли свадьбы, сопровождаемые в купеческой среде многодневными пирами и непременными сварами тестя и зятя из-за приданого (об этом написан рассказ «Купец округился», очень похожий на чеховскую «Свадьбу»).

Главным весенним праздником была Пасха — Светлое Христово Воскресение. Пасхальной неделе и подготовке к ней Лейкиным посвящено немало рассказов. Необходимость соблюдения строгих ограничений во время предшествующего Пасхе Великого поста становится серьезным испытанием для его героев («Кислая капуста», «Совесть очистил», «Два игрока»). Лейкин, прекрасный знаток церковных служб, с юмором описывает купца, который на Страстной неделе ловил в церкви своих должников («Должников разыскал»). С Пасхи возобновлялись многие развлечения — например, театральные представления, вновь открывались клубы.

С мая начинались концерты в Павловском вокзале («Завертели шарманку»); состоятельная публика устремлялась в модные развлекательные сады «с буфетом и театром»: Беклешов, Демидов, Зимний на Фонтанке, Зимний на Крестовском, «Орфейум», «Ливадию», «Аркадию» и др.

Среди летних развлечений, изображенных Лейкиным, есть весьма экзотические с точки зрения современного человека — например, ловля рыбы на «тонях». На Аптекарском острове, свидетельствует писатель, были специально оборудованные места для ловли рыбы неводом. Артельщики забрасывали большую сеть,

а потом при помощи специального ворота, поднатужившись, вытаскивали улов на сушу. Каждую попытку клиент оплачивал отдельно, и все предприятие получало характер азартной игры — кому больше повезет.

Но чаще всего в летний сезон Николай Александрович изображал дачи, дачников и многочисленные дачные развлечения, которые мало изменились за 150 лет: купания, прогулки, рыбалка, собирание грибов, катание на лодках, любительские спектакли и бесконечные чаепития на веранде. Незавидна судьба «дачного мужа», над которым много смеялись и сам Лейкин, и Антоша Чехонте, и Иван Щеглов (И. Л. Леонтьев). Днем отец семейства потеет на службе, а вечером, нагруженный покупками для своей семьи и для всех соседей, отправляется на пригородном поезде на дачу, чтобы утром снова быть в департаменте или в лавке.

Осенью — переезд с дачи в город («Отвальная», «В опустелых дачах»), открытие оперного и балетного сезона («На открытии итальянского сезона»). Театр неизменно показан Лейкиным «глазами невежды»: любимый лейкинский прием — это снижающий пересказ спектакля («У театра»). В отличие от посещения театра, охота — занятие серьезное. Охота возможна в любое время года, за исключением постов, но любители предпочитают осенне-зимнюю охоту «по пороше»; впрочем, популярны и просто прогулки по городу в это время («По первому снегу»).

А дальше — снова Рождество, елки, подарки, катания на тройках — и календарная жизнь выходит на следующий круг.

Нельзя сказать, что жизнь человека в изображении Лейкина — сплошная череда праздников и приуроченных к ним обычаев вроде выпуска птиц на волю. Писатель изображает основанное на жесткой иерархии патриархальное общество, где нужно постоянно выражать почтение вышестоящим, причем не отступая от общепринятых форм и следуя все тому же календарю. По большим праздникам и на именины было принято поздравлять «благодетелей», от которых зависело продвижение по службе и материальное положение: подчиненные поздравляли начальника, крестники — крестных («К празднику готовится», «Сюрприз», «В Рождество»). В рассказе «Первый день Пасхи» мелкий чиновник, следуя молчалинскому принципу «угождать всем людям без изъятия», поздравляет не только начальника, но и его ла-

кея, кучера и дворника. Формы поздравлений различались в зависимости от социальной группы. Чиновники приходили расписываться в прихожей начальника на специально приготовленном листе. У купечества все проще: следовало явиться на глаза благодетелю и с поклонами произнести поздравительную речь. «Сам», восседающий в гостиной при полном параде, с медалью «За усердие» на шее, угощал «маленького человека» рюмкой водки и одаривал определенной денежной суммой — строго «по чину», в зависимости от значимости посетителя. Господа одаривали к празднику своих слуг — горничных, кухарок, нянек, лакеев — деньгами, продуктами, отрезами ткани и т. д.

«Календарный» этикет определяет поведение персонажей Лейкина. Да и разговоры (составляющие сюжет в лейкинских сценах) вертятся вокруг соблюдения или нарушения приличий: например, как можно барышне кататься на коньках? («Около конькобежцев»). Немало у Лейкина рассказов о купеческих «загулах»: герой очертя голову начинает кутить, нарушая все нормы поведения и похвально этим («По-современному», «На тройке», «На Куленберге»). Один из героев Лейкина задумывается о границах «приличий» в таком духе: не грех ли в день своих именин ходить в баню, да еще в первый день Великого поста? можно ли в тот же постный день бить жену, или лучше дожидаться Пасхи? («Постный именинник»).

Впрочем, лейкинским купцам — главам семейств более свойственно ворчание: им не нравится молодежь, не нравится свободное общение барышень с молодыми людьми, не нравятся театры, маскарады, коньки, велосипеды, — в общем, не нравится свобода во всех своих видах. При этом ворчливое старозаветное «серое» купечество предстает отнюдь не образцом добродетели. Лейкин, происходивший из потомственной петербургской купеческой семьи и много лет служивший приказчиком, совершенно не склонен прославлять «честное купеческое слово»: «„Слово купца Андропова — закон!“ — „Слово купца Андропова — тьфу!“» («Купец окрутился»).

В его мире все стремятся друг друга надуть, и «урвать» с ближнего считается не только самым обыкновенным, но даже весьма почетным делом. Вот дворник рассуждает сам с собой накануне праздника: «На Пасху тоже хорошо дают жильцы. Да и с подряд-

чиков урву. С керосина урву, с водопроводчика урву. А после Пасхи ремонт по дому начнется. Опять подрядчики. Сегодня хозяин маляру говорил, что летом дом будет красить. С дома уж мне маляр должен дать основательно. А то ужасно мало дает. За дом десять рублей должен дать» («В хорошем теле»).

Дворник дерет с жильцов и подрядчиков, торговцы на рынке обсчитывают и обвешивают покупателей, тесть после свадьбы не отдает приданое зятю, правление банка утаивает выручку от акционеров, жены заставляют жульничать мужей и т. д. Если лакей закупает для дома керосин, свечи или дрова, то ему полагается «откат» от лавочника («Безденежье»). Внешне благополучное «буржуазное» общество стоит на трех китах: обмер, обсчет, обвес.

Обман вошел в привычку, стал нормой: «Не обманешь — не продашь», «На гнилой товар да слепой купец (покупщик)», «Не побожившись, и иглы не продать», — говорят многочисленные пословицы и поговорки, зафиксированные В. И. Далем. При этом все лейкинские обманщики, пьяницы, обжоры и пустословы — кто церковный староста, кто член совета сиротского приюта, кто известный благотворитель. Все они истовые православные, и любовью из них сильно удивился бы, услышав, что он жулик. Впрочем, Лейкин никого не обвиняет, не выводит из рассказанной истории мораль — и эта черта тоже сближает его с Чеховым. Резких социальных обличений, протестов против несправедливостей жизни «буржуазный писатель» избегает. Стремясь охватить все слои общества, Лейкин редко касается его «дна» — так происходит, например, в рассказе «Невский проспект после полуночи», где изображен мир проституток, воров, ночных извозчиков. Однако никаких особенных драм тут не происходит: каждый промышляет как умеет, и самое большее, что может случиться, — это шутливая перебранка.

Мир, который запечатлел Лейкин, — это мир на пороге. Но отнюдь не революции: о ней в то время никто даже не думал. «Россия Александра III и писателя Лейкина» стояла на рубеже между традиционным обществом и начинающейся модернизацией. И если присмотреться, все комические ситуации у нашего «бытописателя» основаны на неспособности героев перешагнуть эту границу. Вот рассказ «Устрицы». Купеческое семейство ждет

в гости важного барина, «аристократа». Его надо угостить по-европейски, не ударить в грязь лицом — и на базаре приобретаются устрицы. Но не опасно ли это? Они ведь живые. Говорят, что они с рогами, а когда их едят, они пищат и кусаются. Да и как их есть? Раковины ни ножом, ни гвоздем не подцепишь. В конце концов устриц решают натолочь в ступке вместе с раковинами и получившуюся кашу подают «генералу». По такому принципу в основном и приходит просвещение к героям Лейкина.

Насколько эти люди похожи на наших современников, судить читателю.

Андрей Степанов

С ПРАЗДНИКОМ!

В ДЕПАРТАМЕНТЕ

За два дня до Рождества чиновники N-го департамента, получив награду, окончательно потеряли способность заниматься делом. На столах были разложены бумаги, дела в синих обложках, но никто за работу не присаживался. Началось усиленное курение папирос, хождение из одного отделения в другое, разговоры о гусе, о поросенке, о ветчине, о елке, о детских игрушках, о подарках вообще и разных предпраздничных приготовлениях. Даже столь любимое занятие на службе, как чтение газет, и то было оставлено на этот раз. В счетном отделении даже книги лежали открытыми кверху ногами. Все ждали, когда уйдет директор, чтобы разбежаться, но директор, как назло, не уходил. Сидели и начальники отделений по своим местам, но делами также не занимались, а кто составлял для себя смету домашних праздничных расходов, кто писал карандашом реестр праздничных подарков и предметов, нужных по хозяйству.

Вот в отделение входит бакенбардист с проседью в волосах, останавливается перед окном и смотрит на градусник.

— Хорошо, кабы такой мороз на Рождестве постоял. Можно бы съездить прокатиться на тройке в загородный ресторан.

— Михаил Павлыч, не ушел еще наш Вельзевул? — слышится от стола, около которого лысый бородач в очках покуривает папироску.

— Директор-то? — откликается бакенбардист. — Сидит еще, и долго просидит. Сейчас потребовал дело из второго отделения. Каракулев снес ему, но по ошибке засунул туда список покупок, который ему дома жена составила. Каракулев рассматривал его, заторопился, заторопился и думает, что сунул в дело, потому что списка у него нет.

— Это ничего. Это даже хорошо. Наш по крайней мере узнает список нужд чиновников. И чего он сидит! — вздыхает молодой чиновник с бородкой Генриха Четвертого.

— Вдовый чиновник, оттого и сидит. Вдовый и бездетный. Что ему дом? Отсюда, поди, поедет в сельскохозяйственный клуб обедать. А здесь, если вот тебе надавали из дома поручений по самую макушку, да еще просили, исполнив эти поручения, пораньше прийти обедать, так поневоле будешь торопиться скорей убежать из нашего чистилища. Я вот теперь стою и думаю: как это я все успею сделать к шести часам вечера? Дольше уж я не могу заставляя моих домашних ждать меня к обеду, — произносит лысый бородач.

— Нет, я все это жене поручил, — доносится от другого стола. — С моей стороны только разве ей и ребятишкам подарки...

— А у моей жены флюс, второй день у ней щеку раздувает. Она винную ягоду, в молоке сваренную, за щекой держит, так какие тут закупки! До закупок ли! Просила меня окорок ветчины купить, гуся, поросенка, елку ребятишкам, игрушки...

— О-го-го! И все это сегодня?

— Да завтра-то когда же?.. Завтра уж сочельник... Завтра надо уж запекать окорок, а не покупать его, из поросенка заливное делать, елку украшать.

— Да-да... Действительно... Так что же вы? Убирайте бумаги и уходите, — говорит американская борода с бритыми усами.

— Неловко. А вдруг он разлакомится и какое-нибудь еще дело потребует для просмотра, а дело это окажется в моем столе. — «Где Петр Иванович? — Ушел». Неловко тогда будет.

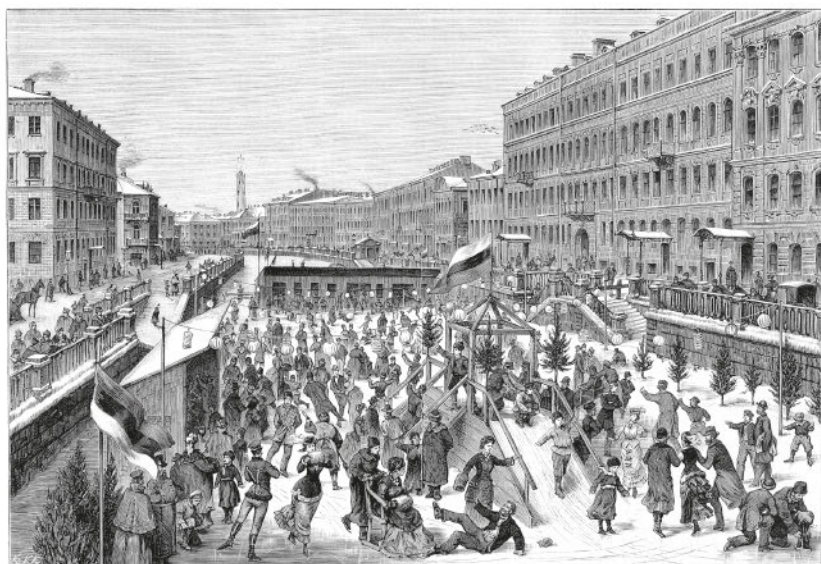
— Помощник ваш подаст дело.

— Ну, все-таки неловко. Ведь вы вот тоже не уходите, а я по лицу вижу, что и вам так же нужно уйти, как и мне.

— Да нужно-то нужно, что говорить! Нужно купить жене на платье — вот что нужно. Ну, духов, одеколону... Потом уж я и себе сбирался преподнести на елку золотые очки. А ведь вам, видите, и окорок, и гуся, и поросенка. Это совсем особь статья. Вы и окорок дома запекаете или варите?

— Запекаем. Жена не любит вареной ветчины.

— Ах, напрасно! Вареная ветчина — это блаженство. Вся Москва ест по трактирам вареную ветчину, а уж москвичи насчет ветчины знатоки.

— Жена не любит. Что ж вы поделаете, если она не любит! Вот поросенка мы варим и делаем заливное.

— А я поросенка люблю только жареного, только с кашей, но при этом чтоб каша представляла из себя фарш с луком, с перцем и с рублеными грибами. Да утробу-то эту начинить хорошенько, а кашу прожарить, лук истомить. Божественно!

Лысый бородач начал причмокивать.

— У нас гусь, чиненный кашей, будет в первый день Рождества к обеду, — сообщил бакенбардист.

— А вот, по-моему, гусь должен быть непременно с капустой, а то так с яблоками. И гуся я непременно люблю так, чтобы он был распарен. У меня дома как делают гуся? Пожарят, пожарят его на противне, а потом в котел, обмазанный маслом, крышкой прикрыть и жарить, и парить. Тут и кислая капуста, которая у него в брюхе, распарится, и он сам. И гуся этого до того нужно распарить, что вот, например, за кость ноги его взял, а мясо с кости с него как чулок слезло бы. Вот это гусь! Это называется — по-польски. Жену в Западном крае научили так готовить, когда она к матери гостить ездила. Попробуйте так у себя дома.

— У меня жена ничего не любит пареного.

Лейкин Н.

Л 42 С праздником! : рассказы / Николай Лейкин. — СПб. : Азбука, Издательство АЗБУКА, 2026. — 640 с : ил. — (Русская литература. Большие книги).

ISBN 978-5-389-34276-7

Николай Александрович Лейкин — замечательный писатель и журналист, чья популярность в конце XIX — начале XX века была колоссальной. Но и сегодня имя автора книги «Наши за границей» хорошо известно поклонникам юмористики. С начала 1880-х годов Лейкин выпускал собственный журнал — еженедельник «Осколки», к сотрудничеству в котором привлёк молодого Антона Чехова, раскрыв его талант. За долгий творческий путь Лейкиным были созданы сотни рассказов и очерков, в его произведениях запечатлена целая эпоха — повседневная жизнь дореволюционной России. Есть среди них и подлинные шедевры.

Многие рассказы были приурочены к определённым календарным датам — Рождеству, Масленице, Пасхе и другим праздникам. В настоящем сборнике представлены рассказы Лейкина, связанные с годовым циклом — от Рождества до преддверия Святков. Их сюжеты разворачиваются в основном в Петербурге и ближайших пригородах. Читатель сборника не только узнаёт о том, как в старину отмечали праздники и проводили будни, какие развлечения были особенно модными, а также массу интересных бытовых подробностей, но и получит удовольствие от добродушного юмора, с которым автор изображает своих героев, неизменно попадающих в забавные ситуации.

В сборник включены оригинальные иллюстрации к произведениям Лейкина из прижизненных изданий, а также гравюры из печати его времени.

УДК 821.161.1

ББК 84(2Рос-Рус)1-44

НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ ЛЕЙКИН
С ПРАЗДНИКОМ!

Ответственный редактор Алла Степанова
Художественный редактор Валерий Гореликов
Технический редактор Мария Антипова
Компьютерная верстка Алины Леонтьевой
Подготовка иллюстраций Екатерины Мишиной, Дмитрия Кабакова
Корректоры Валентина Гончар, Ирина Игнатьева

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 24.08.2026.
Формат издания 60 × 88 ¹/₁₆. Печать офсетная. Тираж 3000 экз.
Усл. печ. л. 39,2. Заказ №

Изготовитель:	Өндіруші:
ООО «Издательство АЗБУКА» —	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ —
обладатель товарного знака АЗБУКА®,	АЗБУКА® тауар белгісінің иесі,
115093, Москва, вн. тер. г.	115093, Мәскеу, қ. іш. аум.
муниципальный округ Даниловский,	Даниловский муниципалдық округі,
пер. Партийный, д. 1, к. 25	Партийный т.ш., 1-үй, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19	Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru	E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательство АЗБУКА»	Санкт-Петербург қ.,
в г. Санкт-Петербурге,	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы,
195112, Санкт-Петербург,	195112, Санкт-Петербург,
Малоохтинский пр-т, д. 68	Малоохтинский даңғылы, 68-үй
Тел. (812) 327-04-55	Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru	E-mail: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru	www.azbooka.ru
Отпечатано в России.	Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін растау туралы
мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады: <https://certification.atticus-group.ru/>

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А. www.pareto-print.ru

A-ARL-43693-01-R